

Кавказ № 19

Кавказ. Тифлис. 1894. 10 января.

Музыкальная и музыкальная хроника.

Симфонический концерт. Давно ожидаемое экстренное симфоническое собрание нашего музыкального общества в память Петра Ильича Чайковского состоялось в субботу, 8-го января, в казенном театре. Чуть ли не в конце ноября были объявлены анонсы об этом концерте и предложение записываться на билеты, а между тем главные пьесы, входившие в программу концерта, были получены здесь только в конце декабря и репетиции (всего две или три), вследствие усиленных занятий оркестра для постановки новых опер, были устроены только в начале января. Кое что из сказанного нами сейчас мы считаем необходимым комментировать, напр., благодаря тому, что некоторые лица, записавшиеся на билеты, не взяли их, очень многие не могли получить места в театре и в то же время десятка два свободных кресел неприятно поражали публику своим видом в этот знаменательный вечер чествования памяти гениального композитора. Пьесы, получившие только в конце декабря, — фантазия «Буря» и сюита «Щелкунчик», — новинки, совершенно неизвестные нашей публике и вполне заслуживавшие долгого ожидания. Недостаточное число репетиций ничуть не отразилось на исполнении и к чести всех лиц, принимавших участие в концерте, слѣдует замѣтить, что лучших симфонических концертов в настоящее время мы не можем требовать, если же послѣдующіе пройдутъ съ такимъ же успѣхомъ и при такой же многочисленной публикѣ, то мы склонны раздѣлить мнѣніе лицъ, утверждающихъ, что Тифлисъ — городъ музыкальный.

Концерту предшествовала церемонія возложения вѣнков на бюстъ композитора. Шестые депутаты съ вѣнками произвели впечатлѣніе печальнаго торжества; представители разныхъ учреждений, имѣющихъ, отношеніе къ русскому искусству, по парно, во фракахъ, съ вѣнками, обвитыми черными лентами, молча направились отъ средней двери партера къ бюсту (работы г. Ходоровича), поставленному въ глубинѣ сцены, на высокомъ пьедесталѣ, окруженномъ массой зелени и мрачно выступавшемъ на фонѣ декорации кладбища. Послѣ этой церемоніи депутаты стали по обѣ стороны пьедестала и проф. Коммиссаржевскій въ краткой, глубоко прочувствованной рѣчи обрисовалъ немногими сильными штрихами личность гениальнаго представителя русскаго искусства и «просвѣщеннаго русскаго человѣка», безвременно сошедшаго въ могилу.

Рѣчь это мы приводимъ ниже цѣликомъ.

Въ концертѣ солистами выступили г-жа Фертигъ, г. Лъстовничій и Сараджевъ.

Г-жа Фертигъ съ большимъ успѣхомъ исполнила два романа и арію изъ «Кузнеца Вакулы»; не станемъ вдаваться въ подробности этого пѣнія; несмотря на рѣдкое появленіе г-жи Фертигъ на концертныхъ эстрадахъ, она достаточно известна публикѣ и вполне заслуженно пользуется симпатіей послѣдней; тѣмъ не менѣе, мы полагаемъ, что г-жа Фертигъ, обладая многими выдающимися данными, въ тоже время составляетъ репертуаръ изъ пьесъ, въ которыхъ не можетъ показать себя съ лучшей стороны.

Г. Лъстовничій былъ, видимо, не въ ударѣ, что, впрочемъ, не помѣшало ему побороть тотъ легионъ ритмическихъ и гармоническихъ вольностей, который во всеоружіи современной техники являюся въ первомъ концертѣ Чайковскаго и дѣлаютъ это произведеніе мало доступнымъ для многихъ виртуозовъ. Всѣ детали были отдѣланы мастерски и вполне соответственны характеру произведенія; первые аккорды арпеджіями, аккомпанирующіе струнамъ, слѣдующіе аккорды ff, тяжелые, мощные; нѣсколько тактовъ solo (dolce) съ мечтательно грустной темой, масса труднѣйшихъ пассажей, пѣвучее andante съ оригинальнымъ и неожиданнымъ вальсомъ, увлекательный финалъ, все это прошло прекрасно и произвело бы сильное впечатлѣніе, еслибъ не ощущалась нѣкоторая суетливость.

Давно мы не слышали полнаго, теплаго тона, красиваго и выразительнаго пѣнія виолончели г. Сараджева въ solo; въ исполненныхъ имъ варіаціяхъ виртуозъ блеснулъ многими своими другими достоинствами, но не пѣніемъ, которому авторъ отвелъ мало мѣста въ своихъ варіаціяхъ.

Героемъ вечера былъ г. Труффя, которому публика устроила цѣлую овацію по окончаніи концерта. Отъ нашего талантливаго маэстро, этого прототипа Верди, мы рѣшительно не ожидали такого выразительнаго, осмысленнаго исполненія произведеній композитора, совершенно противоположнаго, даже враждебнаго направления; только безконечно глубокое уваженіе къ памяти великаго композито-

ра, глубокое пониманіе его произведеній могутъ заставить артиста-виртуоза отрѣшиться совершенно отъ своей индивидуальности и стать слѣдымъ орудіемъ автора, отказаться отъ своихъ принциповъ, сложившихся долгими годами, — чтобы послужить высшимъ цѣлямъ искусства.

Оркестръ исполнилъ всю программу безъ сучка, безъ задоринки; нотасы были замѣчательно красивы, рельефны, безъ крайностей; струны не сбѣжили, какъ прежде, играли съ выдержкой; духовые не тормозили и не киксовали, что прежде бывало очень часто; мѣдъ не оглушала, какъ у насъ въ оперѣ. Въ деталяхъ не было той филигранной отдѣлки, которая требуется современными композиторами и знакома столичной публикѣ, но такая отдѣлка у насъ совершенно неизвѣстна и Богъ знаетъ, когда еще будетъ известна. Кромѣ мастерскаго аккомпанимента солистамъ, гг. Сараджеву и Лъстовничему, оркестръ исполнилъ три пьесы, изъ нихъ двѣ новинки для нашей публики.

Фантазія «Буря» представляетъ, такъ сказать, reminiscence известной шекспировской «Бури»; здѣсь легкая характеристика и Ариеля, духа воздуха, и Каллибана, уродливаго дикаря; авторъ рисуетъ звуками и эпизоды бури, страсти, торжество любви и картину тихаго моря; морская зыбь оригинально изображена движеніемъ аккордовъ струнъ вверхъ и внизъ, причемъ одновременно аккорды первыхъ скрипокъ идутъ по три (триоля), а вторыхъ скрипокъ по четыре; такое движеніе безъ мелодіи продолжается довольно долго въ началѣ и въ концѣ пьесы; буря сопровождается неизбѣжными въ подобныхъ случаяхъ хроматизмами и тремоло, какъ въ «Садко» Римскаго-Корсакова, какъ въ «Отелло» Верди и какъ во всѣхъ другихъ изображеніяхъ бури. Въ общемъ, это юношеское произведеніе Чайковскаго — образецъ оркестровой фантазіи и программной музыки.

Сюита «Щелкунчикъ» составлена авторомъ изъ балета того же названія; это произведеніе болѣе зрѣлое, съ опредѣленной, ясной разработкой темъ, съ рельефными формами, которыхъ держался покойный композиторъ, боготворившій Моцарта. Сюита начинается красивой и простенькой увертюрой; за нею слѣдуетъ маршъ съ четырехъактной темой, исполняемой фаготами среди оригинальныхъ узоровъ струнъ, аккордовъ мѣди и быстрыхъ пассажей флейты; все это по времени прерывается однимъ аккордомъ всего оркестра. Танецъ Fée dragée — легкий, воздушный, исполняемый множествомъ струнныхъ и деревянныхъ инструментовъ безъ мѣдныхъ. Въ трепакѣ Чайковскаго больше изящества и легкости, чѣмъ въ подобныхъ пьесахъ Глинки и Рубинштейна; въ слѣдующемъ номерѣ — арабскомъ танцѣ, темой служитъ грузинская колыбельная пѣсня «Лавъ нана», по разработкѣ и инструментовкѣ ея переносятъ слушателя, даже выросшаго подъ эти знакомые, родные звуки, въ песчанныя степи аравійской земли; отъ этой мелодіи у Чайковскаго вѣетъ знойной южной ночью; здѣсь слышна полная нѣги пѣсня аравитянки и лѣниво перекликающіеся голоса табора; все это сопровождается томительно однообразнымъ повтореніемъ ноты sol на виолончели (подъ сурдину); пѣсня замираетъ rrrrrr (пять разъ!). Не менѣе оригиналенъ китайскій танецъ, представляющій крошечное solo флейты подъ аккомпаниментъ струнъ; такое же solo представляетъ собою «маршъ оловянныхъ солдатиковъ», напоминающій такой же маршъ изъ сюиты № 1. Наконецъ, довольно длинный «Вальсъ цвѣтовъ» также прекрасенъ, какъ все предыдущее. Почти всѣ номера сюиты «Щелкунчикъ» биссировали по настоячивому требованію публики.

Концертъ закончился увертюрой «1812 годъ», исполненной съ большимъ увлеченіемъ и вызвавшей громы аплодисментовъ.

Общее впечатлѣніе, произведенное этимъ симфоническимъ собраніемъ на публику, таково, что не мало нашлось бы слушателей для повторенія всей программы.

На этой недѣлѣ состоится, въ память Чайковскаго, концертъ, программа котораго будетъ исполнена исключительно учащимися нашего музыкальнаго общества.

Idem.

Памяти П. И. Чайковскаго.

(Рѣчь проф. Коммиссаржевскаго).

Роковая смерть, омрачившая сердце каждаго русскаго гражданина, не отрицающаго значенія искусства музыки въ цивилизаціи, соединила насъ и привела сюда для того, чтобы оживить въ насъ образъ дорогого образъ великаго нашего соотечественника Петра Ильича Чайковскаго — славу и гордость Россіи.

Неумолимая, неразборчивая смерть, похитившая у насъ гениальнаго музыкальнаго дѣятеля, оставила чувствительный пробѣлъ въ искусствѣ вообще и въ русскомъ въ особенности.

Петръ Ильичъ Чайковскій былъ народный русскій художникъ въ обширномъ значеніи этого слова. Помимо могучаго таланта, онъ былъ достойный, избранный сынъ русскаго общества, доблестный русскій гражданинъ. Отмѣченный Богомъ, отличенный Всемилющимъ Государемъ нашимъ, Августѣйшимъ, щедрымъ и милостивымъ покровителемъ на-

роднаго искусства, любилецъ русскаго народа, скромный, отзывчивый, доступный, полный строгаго самосознанія, благородный другъ и товарищъ, гениальный композиторъ и просвѣщенный русскій чловекъ, онъ любилъ Россію, понималъ ее и всю свою жизнь посвятилъ служенію отечеству, споспѣшествуя славѣ его и процвѣтанію народнаго искусства. Силой могучаго таланта Петръ Ильичъ Чайковскій распахнулъ широко дверь въ Европу русскимъ народнымъ произведеніямъ, пользующимся тамъ любовью и уваженіемъ. Народный музыкальный эстетикъ, онъ своими тенденціями, рядомъ гениальныхъ народныхъ музыкальных твореній доказалъ, что музыка не исчерпываетъ своихъ цѣлей развитіемъ одного лишь чувства, но говоритъ понятіями уму, имѣетъ образовательное вліяніе не на одно челоѣческое сердце, но и на умъ его. Вокально-музыкальными произведеніями, полными глубокаго чувства и мысли, покойный композиторъ разоблачилъ ясно ложность научно направленія современныхъ пѣвцовъ, построеннаго на одной чувствительности, и доказалъ необходимость, со стороны вокальныхъ исполнителей, строгаго разума и широкаго научно-эстетическаго образованія.

Не хватаетъ слезъ оплакать тяжкую утрату и словъ для опредѣленія значенія незабвеннаго русскаго художника въ нашей цивилизаціи.

Безпримѣрная любовь, которой покойный пользовался въ образованномъ мѣрѣ и въ особенности въ своемъ отечествѣ, почести, слава выпадавшія на его долю, общее уныніе и плачь, вызванные роковой его смертью, краснорѣчивѣе словъ говорить о заслугахъ доблестнаго русскаго гражданина Петра Ильича Чайковскаго, великаго художника и народнаго композитора, гениа, который и за гробомъ предѣломъ владычествуетъ надъ нами словомъ и дѣломъ.

Общность русскихъ гражданъ, въ достойной оцѣнкѣ и воздаяніи должнаго, при жизни и послѣ смерти, гениальному народному дѣятелю, составлять великое утѣшеніе въ нашей невыразимо тяжелой скорби, и знаменательное поученіе настоящимъ и будущимъ толкователямъ произведеній великаго и незабвеннаго нашего учителя! Творенія его — созданіе народнаго гениа! Мысли, чувства, образы, дорогие сердцу русскаго челоѣка, воплощенные въ дивныхъ музыкальныхъ звукахъ гениальнымъ композиторомъ, запечатлѣлись въ сердцахъ русскихъ людей и стали гордостью и достоинствомъ народнымъ! Чтобы быть достойнымъ толкователемъ такихъ произведеній, каждый изъ насъ, исполнителей, долженъ уметь и чувствомъ соединиться съ духомъ безсмертнаго учителя, проникнуться чувствомъ благоговѣнія къ памяти его и твореніямъ, ставшимъ драгоценностью народнаго гениа. Чествуя нынѣ память дорогаго учителя исполненіемъ его произведеній, всѣ мы, старшіе и младшіе ученики великаго нашего учителя, заключимъ брачный союзъ съ духомъ безсмертнаго гениа, взывая къ нему: О! будь же вѣчно нашимъ вдохновеніемъ и руководителемъ въ пониманіи истинно прекраснаго, подсказаннаго тебѣ небомъ и оставленнаго тобой, о незабвенный учитель! въ наследство землѣ русской, какъ образъ искусства и науки для потомства...

Одѣлать Р. 2 мс